

«Я все-таки сторонник хеппи-энда»

Марк Захаров отмечает 70-летие

юбилей театр

Сегодня в московском театре «Ленком» состоится вечер, посвященный 70-летию со дня рождения и 30-летию работы в этом театре художественного руководителя Марка Захарова. Накануне Владимир Путин подписал указ о награждении режиссера орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени. **МАРК ЗАХАРОВ** ответил на вопросы **РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО**.

— Ваш прошлый круглый юбилей десять лет назад вошел в историю как апофеоз единения власти и искусства. Он проходил с участием президента Ельцина и всей политической элиты. Я не спрашиваю, кто будет в зале на это раз, потому что это обычно бывает непредсказуемо...

— Абсолютно. Причем чем дальше идет время, тем более непредсказуемым это становится.

— Дистанция между властью и искусством сегодня гораздо больше. Как вы переживаете это отдаление?

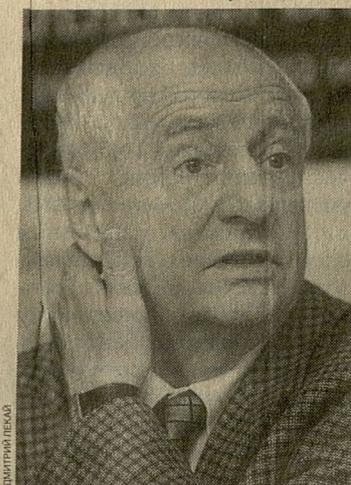
— Наблюдаю и радуюсь. Меня многие коллеги подозревали в том, что я организовал тогда приезд президента и сам всем коман-

довал. Но, разобравшись в технологиях власти, все, я думаю, поняли, что режиссер такие вещи спланировать не может.

— Журналисты часто просят вас сделать политические предсказания. Вы чувствуете в себе способности медиума?

— Нет, не чувствую. Юмор мне не изменяет, даже когда мне задают вопросы глобального, вселенского характера. Причем очень часто — по телефону, что бывает особенно смешно. Однажды, еще в начале перестройки, позвонили из Новосибирска, из Академгородка, и сказали, что наш сухогруз захвачен в Каспийском море азербайджанцами. Я говорю: это плохо. Его, объясняют мне, надо вернуть в нейтральные воды. Я отвечаю: да, хорошо бы это сделать. А оттуда: это только вы, Марк Анатольевич, можете это сделать. Поэтому, когда мне задают такие вопросы, я вспоминаю тот короткий телефонный разговор.

— По последнему вашему спектаклю, «Плач палача», мне показалось, что вы испытываете серьезное личное разочарование как в «чистом искусстве», так и в искусстве с гражданской позицией. Это действительно так?

Дмитрий Песков

— Жизнь, конечно, преподнесла много новостей. Но я все-таки сторонник, условно говоря, хеппи-энда. Человек, побывавший в театре или в кинозале, должен стать веселее, умнее, добрее. В «Плаче палача» сконструирована некая цепь испытаний, через которые должен пройти человек. Я надеюсь, что хотя бы в первые минуты после спектакля зрители испытывают прилив светлых чувств. Иначе не понимаю, зачем нужен театр.

— Но финал довольно острый и конфликтный, а герой Александра Абдулова бросает залу довольно зади-

ристые публицистические упреки. У вас в театре сидят обычно люди благополучные, нашедшие компромиссы с жизнью. Вы намеренно шли на обострение отношений с публикой?

— Я рассчитывал на конфликтное настроение в публике. Мы ничего не меняли в спектакле после премьеры. Я иногда только собираю артистов и говорю им, что надо корректировать ритмы, энергетические выбросы. Еще я прошу их никого не бояться. Потому что подлинный творческий акт — это всегда конфликт с нормой, с благополучием, с устоявшимися взглядами.

— Почему вы перестали снимать кино?

— Это долгая история. Когда-то снимать кино было в радость. Я не считал деньги, хотя и чувствовал ответственность перед «Мосфильмом», перед дирекцией. Но когда на моих глазах стали останавливаться фильмы наших ведущих кинематографистов, я понял, что две таких больших нагрузки я не потяну. Кто-то должен заниматься только театром. Хотя я отдаю себе отчет в том, что мой кинематограф был очень театральным. Но в то же время я всегда понимал, что мне не стоит осо-

бенно увлекаться кинематографическими амбициями.

— А есть какой-то не осущетвленный вами сюжет, который бы вам хотелось воплотить именно в кино?

— Думал о «Пере Гюнте» Ибсена. Но для киноверсии нужна мощная сценарная разработка. Для меня всегда эту работу с большим успехом делал Григорий Горин. Сейчас, после его смерти, такого человека рядом со мной больше нет.

— Вы редко ходите в другие театры?

— Сейчас реже стал ходить. Но вот видел спектакль «Женатый таксист» Александра Ширвиндта в Театре сатиры. Кажется, туда возвращается веселая стихия, которая раньше бушевала в этом театре. Мне очень нравится «Сладкоголосая птица юности» в «Современнике», на режиссера Кирилла Серебренникова я вообще возлагаю очень большие надежды, желаю ему попутного ветра.

— Что вы сейчас читаете?

— «Сумерки» Александра Яковлева, это очень личная, исповедальная книга. Мемуары меня сегодня интересуют больше, чем среднестатистическая беллетристика. Хотя я уважаю тех людей, которые умеют привлекать к себе

внимание. Я с большим интересом и любопытством изучил произведения Сорокина, в частности, роман «Лед» мне понравился.

— А его можно в театре инсценировать?

— Ну, во всяком случае, не я это сделаю. Но это можно сделать. Можно! В театре вообще все можно.

— Но есть же и какие-то табу?

— Все упирается в культуру, если хотите, даже в ментальность. В конечном счете это зависит от очень простых вещей. От совести, от веры, от собственных убеждений.

— Вам исполняется 70 лет. Как вы чувствуете время?

— Если говорить честно, это давит на психику и немного мешаает. С другой стороны, грех жаловаться. Так и должно быть, наверное, что-то и должно мешать. Но я все время думаю о том, как не упустить налаженную работу в театре. Как не запаниковать по поводу циклов нашей истории, нашей театральной жизни, нашей экономики. Умные люди мне давно объяснили, что в любом развитии существуют циклы с своими подъемами и спадами. К этому надо относиться спокойно и даже с известной долей благодарности.

Коммерсантъ — 2003. — 15 окт. — с. 22.